

Л. А. Мальцев, В. Х. Гильманов, И. Д. Коцев

**КНИГОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
В РОМАНАХ О. ТОКАРЧУК «ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЮДЕЙ КНИГИ»
И «КНИГИ ЯКОВА»**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.09.2023 г.

Принята к публикации 23.10.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-7

Для цитирования: *Мальцев Л. А., Гильманов В. Х., Коцев И. Д.* Книгоцентрическая картина мира в романах О. Токарчук «Путешествие людей книги» и «Книги Якова» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 68–78. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-7.

Проведен сравнительный анализ романов Ольги Токарчук «Путешествие людей Книги» и «Книги Якова», в которых концептуальную роль играют мотивы путешествия и книги, а тематика религиозно-мистических обществ XVII–XVIII вв. приобретает большое значение. Рассмотрены жанровая специфика двух текстов, особенности их повествовательной структуры и системы персонажей. Утверждается, что две анализируемые книги сходны логоцентрическим и книгоцентрическим мировидением, смысл которого заключается в вере в способность человека с помощью слова и книги оказывать влияние на действительность. В связи с диалектикой слова и дела раскрываются фаустовские мотивы обоих текстов. В «Путешествии людей Книги» и в «Книгах Якова» также присутствует важная для идейно-художественной структуры романов оппозиция женское – мужское. С ней связан полоцентрический аспект «Книг Якова», в которых ставится проблематика польского мессианизма и находит выражение архетип Девы, приобретающий национальный колорит благодаря своеобразно интерпретированному мифу Богоматери Ченстоховской. В связи с культом Девы также отмечена проблема воздействия на художественное воображение Токарчук идеи Юнга о четверичности как архетипическом числом выражении абсолюта.

Ключевые слова: Ольга Токарчук, «Путешествие людей Книги», «Книги Якова», логоцентричность, книгоцентричность, мессианизм, архетип Девы

Творчество польской писательницы Ольги Токарчук (р. 1962), Нобелевского лауреата по литературе от 2018 г., представляет собой систему сквозных мотивов, отражающих целостное мировидение автора. Связность текстов, созданных прозаиком, наиболее очевидна в сопоставлении ее дебютного романа «Путешествие людей Книги» («Podróż ludzi Księgi», 1992)¹ и объемного эпического полотна «Книги Якова» («Księgi Jakubowe», 2014)². Названные два произведения объединены,

¹ На русский язык книга была переведена К.Я. Старосельской под названием «Путь людей Книги».

² Перевод И.Е. Адельгейм.

во-первых, мотивами культа Слова и Книги, содержащих в себе сакральное знание. Логоцентрическая и книгоцентрическая картина мира позволяет усматривать в творчестве Токарчук традиции Бруно Шульца (см.: [2]) (один из примеров — рассказ «Книга» из сборника Шульца «Санаторий под Клепсидрой»). Во-вторых, значимую роль в обоих текстах, как и во всем творчестве писательницы, играют мотивы движения, путешествия и связанных с последним неопределенности, риска, и вместе с тем твердой готовности принять все возможные случайности путешествия как то, чему суждено свершиться. На наш взгляд, «Книги Якова», художественно-документальное повествование о судьбах еврейского народа, могут быть названы вторыми «Путешествиями людей Книги». Изображенные в «Книгах Якова» иудеи — это, конечно же, «люди Книги», а что касается мотивов путешествия, то развернутое название «Книг...» говорит само за себя: «Книги Якова, или Большое путешествие через семь границ, пять языков и три большие религии, не считая малых...». В-третьих, «Путешествие людей Книги» (действие романа происходит в XVII в.) и «Книги Якова» (соответственно в XVIII в.) характеризуются интересом их автора к истории тайных религиозно-мистических обществ, ересей, сект. В «Путешествии людей Книги», события которого разворачиваются во Франции времен Людовика XIV, а также в испанских Пиренеях, рассказывается о знакомстве главного героя, постоянно называемого в романе не по имени, а по титулу — Маркиз, с пожилым г-ном де Шевийоном, при посредничестве которого Маркиз становится членом братства, ставящего перед собой цель поиска Книги, написанной Богом. В «Книгах Якова» действие происходит в ряде стран (Турция, Австрия, Пруссия), но главным местом действия становится Речь Посполитая последних десятилетий своего существования — в периоды царствования Августа III и Станислава Августа Понятовского. Показано, например, такое знаковое событие, предшествовавшее первому разделу Речи Посполитой в 1772 г., как боевые действия Барской конфедерации против польской королевской армии, поддерживаемой войсками Российской империи. В «Книгах...» представлена художественно-документальная хроника деятельности известной религиозно-мистической секты, возглавляемой Якубом Лейбовичем Франком (1726—1791), харизматическим лидером, объявившим себя мессией.

В жанровом отношении «Путешествия людей Книги» и «Книги Якова» разнородны. Дебютное произведение Токарчук соответствует канону западноевропейского постмодернистского романа с присущей ему индивидуалистической парадигмой. И.Е. Адельгейм справедливо полагает, что по жанру «Путешествия людей Книги» — реализация «схемы историко-философского романа-путешествия в духе Дж. Фаулза, У. Эко и П. Зюскинда», а также иронической модальности, присущей постмодерну: «Горький финал “Пути”... символизирует мироощущение современного человека, осознающего бесплодность своих усилий: Книга, будто в насмешку, достается не тем, кто целенаправленно ее искал и был способен прочитать, а случайно — немому неграмотному слуге» [1, с. 273—274].

Крайне сложно определить жанр «Книг Якова», выходящих за канонические рамки романного жанра. Индивидуалистический принцип, связанный с акцентированной линией романного повествования о пути неординарного главного героя, каким является Яков Франк, здесь соблюдается мало. В «Книгах Якова» нет иерархического деления на «главных» и «неглавных» персонажей — эта особенность прозы Токарчук, проявляемая уже в «Путешествии людей Книги», достигает наиболее полной реализации в огромном историко-документальном повествовании «Книг Якова». Это произведение отличается преизбытком персонажей, многие из которых являются подлинными историческими лицами. Значительная часть персонажей (мужчин и женщин — представителей религиозной общины Франка) с переходом из иудаизма в католицизм меняют еврейские имена на польские, что дополнительно усложняет работу читателя, создавая трудность с отслеживанием судеб участников событий. Такой преизбыток связан со сложной системой точек зрения «Книг Якова», среди которых выделяется абсолютная повествовательная инстанция, персонифицированная в образе Енты — старшей героини, имеющей родственные связи с Яковом Франком, Элишей Шором и многими другими. Она «зависает» между жизнью и смертью — и в таком состоянии переживает практически всех участников событий «Книг Якова». Будучи «глазом» повествования, Ента держит в памяти судьбы всех родственников, а также персон, имеющих к ее семье прямое либо косвенное отношение. Присутствие Енты, казалось бы, бездействующего персонажа, определяет жанровую специфику «Книг Якова» как некоей семейной, родословной книги, подобной «книге рода» (Genesis), а в отечественной традиции — Книге Бытия. Отсюда деление монументального произведения на семь книг (книги Тумана, Песка, Пути, Кометы, Металла и Серы, Далекого Края, Имен). В таком композиционном укладе «Книг Якова» проявляется особенность восприятия Енты, видящей мир с «изнанки» — как не видит его никто из живущих людей. Для нее мир феноменов, как материальных (туман, песок, металл и т. д.), так и духовных (имена), сам по себе уже является «книгой», недоступной земному восприятию. В книгоцентричности бытия прослеживается очевидное сходство между «Книгами Якова» и «Путешествием людей Книги».

Мысль о калейдоскопичности биографий, а также о множественности точек зрения, с которых представлены излагаемые события, проходит красной нитью как через «Путешествие людей Книги» («Представлялось так, что Бог создал людей во всей их разнородности, чтобы доказать самому себе, как много обличей приобретает людское понимание его творения» [10, с. 21]), так и через «Книги Якова» («А правда подобна баумкухену, состоит из множества слоев, которые, вращаясь, соприкасаются друг с другом в разных конфигурациях. Правда — то, что можно выразить посредством множества историй, ибо она подобна райскому саду, в который вошли мудрецы: каждый из них увидел свое» [3, с. 65]).

В полифонически организованном художественном мире Токарчук фундаментальную роль играет оппозиция *мужское — женское*, которая, согласно компаративной модели Л. Вишневской, соответствует следующим противопоставлениям: Бог — природа, монотеизм — политеизм, линейная — круговая модель времени, а также Ренессанс — барокко (в интерпретации Г. Вёльфлина) [11]. С этой системой оппозиций связан запоминющийся экфрасис в романе «Путешествие людей Книги» (см.: [5]) — описание и толкование картины Паоло Уччелло «Битва святого Георгия с драконом» (1451), ставшей поводом богословского диспута между Маркизом, Шевийоном и Берлем. Маркиз и Берль отстаивают догматический («мужской») взгляд на человеческую греховную природу, которую человек превозмогает, уподобляясь Георгию, поражающему дракона. Шевийон — носитель противоположной (еретической) трактовки, согласно которой заслуга победы добра над злом в действительности принадлежит не святому рыцарю, выступающему в роли псевдо- или даже антигероя, а пленной принцессе: «Грех — это темная, мрачная сторона нашей природы. Можно эту темную сторону научить добру, вознести к Богу и приручить, как женщина приручила дракона» [10, s. 74–75]. Молчаливой свидетельницей этой дискуссии является Вероника — главный женский персонаж романа: ей ближе неортодоксальный взгляд на картину, и она также считает, что на картине Уччелло победительницей дракона была именно принцесса благодаря своей мягкой силе, а рыцарь Георгий напрасно убил дракона, поскольку последний уже «никому не мог бы причинить зла» [10, s. 73].

По Л. Вишневской, мужскому *principium individuationis* (резкому разграничению противоположностей: Бога и природы, добра и зла, сфер *logos* и *bios*) противопоставляется соответствующее женскому мироощущению *coincidentia oppositorum* (сосуществование и примирение противоположностей) [11, s. 139]. В «Путешествии людей Книги» носителем «мужского» принципа выступает маркиз, для которого, как и для остальных членов братства, «мир... является только суррогатом настоящего» [10, s. 14]. Женское начало в романе олицетворяет Вероника, любовью к которой маркиз жертвует во имя цели своей жизни, воплощенной в Книге. В соответствии с *principium individuationis* он делает выбор между противоположностями, не допуская возможности их примирения и тем более отождествления. Момент смерти Маркиза, ставшей крахом его жизненных принципов, позволяет герою понять, что физический мир, природа — это и есть «книга», в которой Маркиз является «одной буквой, неважно какой» или «может, он был запятой, примитивной точкой, которой завершается неотвратимое предложение, может, закрытым в себе “о” или проникающим вглубь игреком, а может, попросту пробелом между словами, без которого значения слились бы или перемешались» [10, s. 205]. Концовка предсмертного видения Маркиза отдаленно напоминает момент созерцания князем Андреем Болконским неба над Аустерлицем. Как и в романе-эпопее русского классика, картина неба знаменует момент озарения героя: «Он

задумался тогда, для кого открыта эта книга, чему она должна служить. Он поднял глаза и увидел, что небо в миллион раз больше, чем она, и поэтому оно заключает ее в себе. Книга была открыта небу» [10, s. 205–206].

Предсмертный взгляд Маркиза на мир как на Книгу, «открытую небу», тождествен мировидению Енты из «Книг Якова». «Собирай, — говорит Енте ее мать, — собирай знаки и вскоре прочтешь всю фразу. Что за премудрость — читать книги, написанные людьми, если весь мир — книга, написанная Богом, включая глинистую тропу, ведущую к реке» [3, с. 618].

С точки зрения логоцентрического мировидения, перерастающего в книгоцентричность, не последнюю роль в «Путешествиях людей Книги» играет слуга Гауче, немой от рождения, которому, казалось бы, предназначено быть «лицом случайным» [10, s. 5] в этой романной истории. Однако Гауче, будто бы в возмещение своей природной ущербности, обладает максимальной способностью верить в магическую силу слова: «Для него слова были душами вещей; через эти души вещи контактируют с нами. Зная слово — мы знаем вещь. Выговаривая слово — мы приобретаем власть над вещью. Когда мы формируем слова, окрашивая их чувством, наделяя их красками настроений, придавая им значение, звучание, музыку — мы формируем все, что существует» [10, s. 9]. Желание прочитать найденную Книгу, поиск которой стал делом жизни Маркиза, становится произвольным стимулом благотворных перемен в жизни самого Гауче, обретающего в конце повествования дар речи.

Мировосприятие Гауче в первом романе Токарчук создает параллель с менталитетом еврейских общин в «Книгах Якова», как правоверно иудейских, так и сектантских, для которых главное в мире — Слово и Книга. Именно об этом ведет речь ксендз Гауденций Пикульский, объясняющий в кругу польской аристократии и духовенства смысл каббалы: «— Они верят, что мир создан из слов... / — Ну да, все в это верят: “В начале было Слово”. Мы тоже. Так в чем же ересь? / — Да, милостивая госпожа, но мы на этой фразе останавливаемся, а они применяют ее к каждой мелочи» [3, с. 482].

В контексте приведенных примеров Яков Франк, находящийся в центре событий «Книг...», не представляется эталонным «человеком Книги». Скорее на эту роль претендует его ближайший сподвижник, «апостол» Нахман (после крещения — Петр Яковский), пишущий жизнеописание Шабтая Цви («предтечи» Франка) и попутно, в тайне от Якова, ведущий обстоятельную хронику последователей Франка. В отличие от своего учителя, Нахман-Петр верит в силу книжного слова, что обеспечивает его сходство с членами «братства людей Книги» из раннего романа писательницы: «Мир слов гораздо более реален, нежели то, что видят его глаза» [3, с. 616].

В противоположность Нахману Яков считает труд книжника пустым занятием, и в этом он проявляет себя как революционер, как ниспровергатель традиций своего народа, основанного на культе Книг. Он считает, что Книги стали причиной несчастья для евреев, развив в них

склонность к химерам: «Если кто-то хочет завоевать крепость, он не может сделать это при помощи простой болтовни, призрачного слова, ему придется повести туда армию. Вот и нам следует действовать, а не говорить. Мало наши деды разглагольствовали, над книгами корпели? Что из этого вышло, очень им помогли эти словеса?» [3, с. 675]).

Яков — это аналог Фауста. Герой Гёте в самом начале трагедии запомнился тем, что по-новому перевел первый стих Евангелия от Иоанна: «В начале было дело». Другим фаустовским мотивом в истории Якова является чудотворство, проявляющееся, например, в поисках философского камня. Он обращается к своим сподвижникам: «...обратите металл в золото, тогда я буду знать, что вы являетесь святыми посланниками». «Сядь, — осадил его реб Мордке. — Это чудо может совершить лишь сам Мессия. И ты это отлично знаешь...» [3, с. 609]. Мотивы поиска философского камня присутствуют и в «Путешествии людей Книги» в связи с образом Маркиза, посвященного в технологические секреты создания золота. Маркиз делится с другим персонажем — Барлингом: «Философский камень был достижением полного знания о себе и мире... Если посмотришь на это таким образом, уже не найдешь противоречий между алхимическим, тайным знанием и знанием естественным. Заметь, что те, которые внесли много в науку, были обычно великими посвященными в тайну» [10, s. 120].

Характерной особенностью «Книг Якова...», отличающей их не только от «Путешествия людей Книги», но, может, и от всего творчества Токарчук, стало обращение автора к одному из ключевых периодов польской истории — к разделам Речи Посполитой. Этот момент и череда последующих событий (Наполеоновские войны и восстания XIX в.) были мифологизированы в польском историческом сознании благодаря творчеству польских романтиков во главе с Мицкевичем. К «романтической парадигме» (М. Янион) польской литературы, в основе которой лежит мессианская идея «Польши — Христа народов», обращается Токарчук, что необычно не только для самой писательницы, но и для всей прозы ее поколения. Однако возвращение к романтизму у Токарчук происходит с неожиданной стороны — со стороны представителей народа, пришедшего на польские земли издалека. Сама по себе мысль о еврейском генезисе польского мессианизма не нова [6; 7], однако по отношению к романтико-мессианскому лозунгу «Польша — Христос народов» в «Книгах Якова» создается остраяющий эффект — уже давно освоенное польской романтической и постромантической культурой и даже превратившееся в национальный автостереотип представлено в произведении Токарчук как чужое, странное и экзотическое. Мицкевич в «Книгах Якова» не упоминается ни разу, однако дух поэта присутствует в виде интертекстуальных отсылок к его произведениям. Впрочем, один раз (в конце повествования) делается косвенный биографический намек на создателя «Дзядов»: упоминается о франкистской родословной знаменитой пианистки Марии Шимановской, которая была тещей Мицкевича.

Как известно, Мицкевич интересовался гематрией, наукой о смысловом соотношении букв и чисел. Это проявилось в его программном мессианском тексте — сцене V «Видение» (монолог ксендза Петра) из поэмы «Дзяды» (часть III), содержащей пророчество о рождении мессии, призванного спасти народ и все человечество: «От матери чужой, кровь его от древних героев, / А имя его сорок и четыре» [8, s. 187–188]. Близкие по смыслу слова мы находим в приводимых в «Книгах...» пророчествах Якова Франка: «...в Польше существует старое предание, будто придет некий чужестранец, родившийся от чужой матери, исправит все в стране и избавит от всяческого гнета» [3, с. 99]. Что касается «сорок и четыре», то далеко не случайно это число Мицкевича появляется в речах ксендза Пикульского, растолковывающего своим соотечественникам премудрости каббалы: «“Ав”, отец, имеет числовое значение 3... “Мать” имеет числовое значение 41... И теперь: если мы сложим эти два слова, “мать” и “отец”, у нас получится 44, а это число слова “елед”, то есть “ребенок”!» [3, с. 481]. Мицкевичевский подтекст усиливается практически полным совпадением песни «Импровизации» Конрада (сцена II) в «Дзядях» («Czym jest me czucie? Ach, iskrą tylko! / Czym jest me życie, jedną chwilką...» [8, s. 160]) с франкистской «старой песней на старом языке, которой научил ребе Иссахар»: «Что есть человек? Искра. / Что есть человеческая жизнь? Мгновение...» и т. д. [3, с. 99].

Кульминацией «польских» глав «Книг Якова», составляющих добрую половину повествования, является история заключения Франка в Ясногурском монастыре — центре религиозно-патриотического культа Богоматери Ченстоховской, «королевы Польши» (согласно указу короля Яна Казимира). В польской исторической памяти Ясногурский монастырь в Ченстохове вызывает ассоциации с легендарной защитой монастыря от шведов в 1655 г., показанной в знаменитом романе «Потоп» Сенкевича, а также с непосредственно описываемыми в «Книгах Якова» боевыми действиями барских конфедератов под предводительством Казимежа Пулаского против русских войск, закончившимися победой последних и освобождением Якова Франка из заключения.

Судя по «Книгам Якова», период пребывания Франка в Ченстохове стал полоцентричным фокусом его биографии, и сам он как еврейский «мессия» активно участвовал в создании будущего мифа о богоизбранности Польши, однако с тем отличием от иудеохристианского мессианизма, что, по представлению Якова, божественное начало воплощено в женском образе Шхины. «...Польша, — говорит Яков, — земля заточения Шхины, Божественного присутствия в мире, и именно здесь Шхина выйдет из своей темницы, дабы освободить весь мир. Польша — совершенно особенное место на земле, одновременно и худшее, и лучшее» [3, с. 214]. То, что Бог избрал именно Польшу для спасения мира, Яков объясняет привычным для польской шляхетской культуры преклонением перед женщиной, доходящим до риторической абсолютизации: «Шхину можно найти только в том краю, где женщину почитают, вот как в Польше: здесь перед женщинами не

только обнажают голову, им говорят комплименты, служат, к тому же здесь, в Ченстохове, эту Мадонну с младенцем почитают превыше всего. Это страна Девы» [3, с. 213–214].

Здесь возникает значимая параллель с экфрасисом из романа «Путешествие людей Книги» — описанием картины Паоло Уччелло. В одном из поучений Якова икона Богоматери Ченстоховской играет примерно такую же роль, как образ пленной принцессы на полотне Уччелло в поместье Шевийона: «Дева — божественная мудрость, заточенная в разрисованную доску, словно принцесса в высокую башню, которую никто не может покорить. Ради нее вы должны совершать чуждые деяния, действия, которые перевернут мир с ног на голову. Помните того змея в раю? Змей призывает к свободе. Тот, кто выкорчует Древо Познания и достигнет Древа Жизни и объединится с Девой, познает также спасение, этот незримый Даат» [3, с. 213]. Слова Якова Франка о деяниях, переворачивающих «мир с ног на голову», а также упоминание о хтоническом чудовище, в восприятии которого минус меняется на плюс [9, s. 17], имеют несомненное гностическо-манихейское происхождение, что вызывает в сюжете «Книг Якова» ассоциацию с образом Антония Коссаковского (Моливды), представителя польского знатного рода и человека очень сложной судьбы, который всю жизнь провел в скитаниях, долго общался с приверженцами различных ересей, в определенный период сблизившись с Яковом Франком.

Возвращаясь к созданному писательницей типу «человека Книги», порождающему в обоих проанализированных текстах целую систему родственных образов, следует обратить внимание на одного из наиболее заметных героев «Книг Якова» — ксендза Бенедикта Хмелёвского (1700–1763), автора первой польской энциклопедии «Новые Афины, или Академия, всяческих ученостей полная, на различные предметы, а также классы разделенная» (1745–1746). Согласно художественной фантазии Токарчук, Хмелёвский ведет долгую и взаимозаинтересованную переписку с поэтессой польского барокко Эльжбетой Дружбацкой (ок. 1695–1765), а *opus magnum* Хмелёвского «Новые Афины» становится для Франка чем-то вроде учебника польского языка.

Вместе с тем важна не сюжетная роль энциклопедиста, выступающего в «Книгах Якова» далеко не самым деятельным лицом. Внимание читателя фокусируется не на нем, а на деятельности Франка и его сподвижников, не имеющей прямого отношения к библиофильским увлечениям ксендза. Будучи «человеком Книги», Хмелёвский играет значимую роль в метатекстуальной организации текста, затрагивающей отношения между изображаемым миром, авторской и читательской инстанциями. Неслучайно в «Библиографической справке» Токарчук признается, что образ ксендза Хмелёвского принес ей «множество радостных мгновений», а по поводу его «Новых Афин» заявляет, что «стоило бы переиздать эту замечательную книгу» [3, с. 17]. Роль эпиграфа к «Книгам Якова» играют слова, помещенные на титульной странице «Новых Афин», которыми Хмелёвский задает четверичный образ будущего читателя энциклопедии: «Умным — чтобы помнили,

Сородичам — чтобы призадумались, Профанам — чтобы узнали, а Меланхоликам — в утешение» [3, с. 751]³. Подобная тетраморфная модель читателя-реципиента отражена в «Книгах Якова» в писаниях Нахмана-Яковского, ссылающегося на суждение своего учителя Иссахара о «четырёх типах читателей» («Есть читатели-губки, читатели-воронки, читатели-фильтры и читатели-ситы... “Я хочу, чтобы вы уподобились ситы и не удерживали в себе ничего дурного и скучного”, — говорил нам Иссахар» [3, с. 614]). К четвероякому способу прочтения книги обращается и Элиша Шор, объясняя в бейт-мидраше основные способы толкования Торы с помощью четырех букв еврейского алфавита («П — пшат — буквальный смысл, Р — ремез — переносный смысл, Д — драш — то, что говорят ученые, С — сод — мистический смысл» [3, с. 709]).

Архетип четверицы впервые художественно смоделирован Ольгой Токарчук в романе «Правек» (1998) (см. главу «Время четверных вещей»), а в «Книгах Якова» он распространён на область экзегетики. Мысль об архетипе четверицы принадлежит Юнгу, для которого она «символизирует части, качества и стороны Единого» и, следовательно, «является более или менее непосредственным образом Бога, проявляющего себя в творениях» [4, с. 169–170]. Поскольку Франк и его единомышленники, ища путей сближения с христианством, признавали, с одной стороны, догмат о Троице, а с другой — магическую силу креста, важную роль для интерпретации «Книг Якова» приобретает пояснение Юнга о том, что Троица является «мужским» символом. Четвертую же стихию, наряду с огнем, водой и воздухом, образует земля, которой, согласно создателю теории архетипов, соответствует образ-символ Девы.

Список литературы

1. Адельгейм И. Е. Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005.
2. Рудковская М. Память и повседневность. Поэтика живая и мертвая в произведениях Ольги Токарчук (на примере произведений Э. Т. А. Гофмана) // Память vs История. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений). М., 2019. С. 325–334.
3. Токарчук О. Книги Якова. М., 2023.
4. Юнг К. Г. Психология и религия // Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 109–202.
5. Grigorova M. Legenda — obraz — apokryf. Przesłania Paola Uccella w utworach Gustawa Herlinga-Grudzińskiego i Olgi Tokarczuk // Świat i Słowo. 2011. №1(16). S. 119–134.
6. Janion M. Bohater, spiszek, śmierć: Wykłady żydowskie. Warszawa, 2009.
7. Maurer J. “Z matki obcej”: szkice o powiązaniach Mickiewicza ze światem Żydów. Kraków, 1996.
8. Mickiewicz A. Dzieła poetyckie. Utwory dramatyczne. Warszawa, 1982. T. 3.
9. Runciman S. Manicheizm średniowieczny. Gdańsk, 1996.

³ Перевод И. Е. Адельгейм имеет некоторые отличия от оригинального текста Хмельвского: «MĄDRYM do Memoriału, IDIOTOM dla Nauki, POLITYKOM dla praktyki, MELANCHOLIKOM dla rozrywki» [3, с. 692].

10. Tokarczuk O. *Podróż ludzi Księgi*. Warszawa, 1998.

11. Wiśniewska L. *Komparatystyka wieloaspektowa: (złożony) model i (wielowymiarowa) praktyka porównania // Polonistyka wobec wyzwań współczesności*. Opole, 2014. T. 1. S. 133–149.

Об авторах

Леонид Алексеевич Мальцев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Владимир Хамитович Гильманов — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Иван Демьянович Копцев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: Ikoptsev@kantiana.ru

L. A. Maltsev, V. C. Gilmanov, I. D. Koptsev

BOOK-CENTRIC PICTURE OF THE WORLD IN O. TOKARCZUK'S NOVELS "THE JOURNEY OF THE BOOK-PEOPLE" AND "THE BOOKS OF JACOB"

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 6 September 2023

Accepted 23 October 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-7

To cite this article: Maltsev L. A., Gilmanov V. C., Koptsev I. D. 2023, Book-centric picture of the world in O. Tokarczuk's novels "The Journey of the Book-People" and "The Books of Jacob", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 68–78. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-7.

The authors have conducted a comparative analysis of the novels by Olga Tokarczuk, "The Journey of the People of the Book" and "The Books of Jacob," where the conceptual role is played by motifs of travel and books, and the theme of religious-mystical societies of the 17th-18th centuries becomes significant. The genre specificity of the two texts, features of their narrative structure, and character systems are considered. It is asserted that the two analyzed books share a logocentric and book-centric worldview, the meaning of which lies in the belief in the ability of humans to influence reality through words and books. In connection with the dialectic of word and deed, Faustian motifs of both texts are revealed. In "The Journey of the People of the Book" and "The Books of Jacob," there is also an important opposition of feminine and masculine in the ideological-artistic structure of the novels. Connected with this is the polocentric aspect of "The Books of Jacob," where the issues of Polish messianism are raised, and the archetype of the Virgin, acquiring national color through a uniquely interpreted myth of the Black Madonna of Czestochowa, finds expression. In connection with the cult of the Virgin, the issue of the influence on Tokarczuk's artistic imagination of Jung's idea of quaternity as an archetypal numerical expression of the absolute is also noted.

Keywords: Tokarczuk, "The Journey of the Book-People", "The Books of Jacob", logocentricity, book-centricity, messianism, cult of the Virgin

The authors

Prof. Leonid A. Maltsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Prof. Vladimir C. Gilmanov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru